

СТО ПЯТНАДЦАТЬ МИНУТ И ОДНА СЕКУНДА

ГОВОРIT ДМИТРИЙ
ШОСТАКОВИЧ

Вспоминается... Однажды Дмитрий Дмитриевич вел с корреспондентом «ЛГ» большую, многочасовую беседу, а на завтра собирался уехать под Иваново, отдохнуть несколько дней. С деликатной твердостью он сказал:

— Вы уж, пожалуйста, без меня не печатайте. Когда напишете, покажите...

Я написал. Текст, довольно большой, был набран, сверстан, поставлен в очередной номер. Написал и принес Дмитрию Дмитриевичу. Он читал внимательно, делал поправки, комментировал их — я заносил его замечания в свою рабочую тетрадь.

— Что вы все время пишете? — оторвавшись от гранок, спросил меня композитор. — «Гениальные замечания Шостаковича...»? Пожалуй, не делайте этого. — не надо ничего записывать за мной. Это — поверьте! — никому не нужно — ни вам, ни мне... Лучше проследите как следует, чтобы все наши поправки непременно были реализованы. Вот на это стоит тратить время!

Его скромность, способность смущаться по всякому, даже пустяковому поводу широко известны в музыкальном мире. Великий художник — он был застенчивым, предельно скромным человеком. За два года до своей кончины он посетил США и там подвергся очередному «обстрелу» прессы и американских коллег — музыкантов. Один из них прямо, как говорится, в лоб, спросил:

— Задумывается ли мистер Шостакович над тем, какую роль суждено его творчеству сыграть в музыке XX века? И не тяготит ли его этот груз?

И как же ответил Дмитрий Дмитриевич?

— Если какой-то след в XX веке останется от моей музыки, то я, конечно, буду счастлив. Но я никогда не думал, что моя музыка играет какую-то очень большую и особую роль в XX веке. И, вероятно, не буду думать... Когда-то я был пианистом, выступал публично, играл не только свои сочинения, но и чужие, и поэтому чувствую аудиторию. Часто бывает так: слушаю свое собственное сочинение и чувствую, что мысли мои отскакивают от слушателя, как горох от стены... А иногда, наоборот, ощущаю контакт... Я слуга своих слушателей и всегда стремлюсь к этому!

...Эти слова, сказанные Дмитрием Дмитриевичем, могут теперь услышать многие... Не будучи поклонником частых бесед с прессой, выступлений перед микрофоном, кино- и телекамерой, Дмитрий Дмитриевич все же, когда к этому призывал общественный долг, давал интервью, участвовал в дискуссиях, творческих встречах, беседах, увы, лишь частично запечатленных на магнитных и иных пленках. Но где найти их, как собрать эти бесценные записи?

Это было делом нелегким, непростым. Было... За это взялась хорошо известная в музыкальном мире наша фирма «Мелодия». Взялись давно любящие и хорошо знавшие Д. Д. Шостаковича специалисты. Среди них прежде всего должны называть работников Союза композиторов СССР и наших архивов, музыковедов, упорству и энергии которых мы в немалой степени обязаны тем, что в итоге длительных поисков были разысканы некоторые, прежде неизвестные, замечательные документы жизни и творчества Д. Д. Шостаковича.

Выходят в свет четыре пластинки, на которые перенесены эти, доселе неизвестные беседы и выступления Дмитрия Дмитриевича Шостаковича. 115 минут и одну секунду в общей сложности на этих пластинках звучит спокойный и увлеченный, усталый и оживленный голос Шостаковича.

Сегодня «Литературная газета» печатает фрагменты записей великого композитора и гражданина нашей страны.

Говорит Дмитрий Дмитриевич Шостакович!

Наум МАР

Сентябрь 1941 г.,

Ленинград

(Из выступления по радио)

Час тому назад я закончил партитуру двух частей большого симфонического сочинения. Если это сочинение мне удастся написать хорошо, удастся закончить 3-ю и 4-ю части, то тогда можно будет назвать это сочинение 7-й симфонией.

Для чего я сообщаю об этом? Для того, чтобы радиослушатели, которые слушают меня сейчас, знали, что жизнь нашего города идет нормально. Все мы несем сейчас свою боевую вахту.

Советские музыканты, мои дорогие и многочисленные соратники по оружию, мои друзья! Помните, что сейчас нашему искусству грозит великая опасность. Будем же защищать нашу музыку, будем же честно и самоотверженно работать!

Слово о Двенадцатой симфонии

Над этой симфонией начал я уже думать тогда, когда закончил свою 11-ю симфонию, посвященную русской революции 1905 года. Двенадцатая симфония является как бы продолжением Одиннадцатой симфонии, она навеяна Великой Октябрьской социалистической революцией. Я долго думал о симфонии и много над ней работал, но вплотную уже занялся работой весной примерно и летом 1961 года. Мне очень хотелось, чтобы она была закончена к XXII съезду Коммунистической партии Советского Союза. И мне это удалось — мне удалось закончить симфонию к этой исторической дате в жизни нашей Родины. Симфония состоит из четырех частей. Симфония программная. Первая часть называется «Революционный Петроград», вторая часть —

«Разлив», третья — «Аврора», четвертая — «Заря человечества»... Конечно, на сочинение моей Двенадцатой симфонии очень многое повлияло: произведения литературы, и кино, и нашей живописи, поэзии. Но я думаю, самым главным для меня послужило и то, что я сам, хоть и в очень молодом возрасте, был свидетелем Великой Октябрьской социалистической революции. Я жил тогда в Петрограде, и все события того времени запомнились мне на всю жизнь.

Москва, 1962 г.

(Из выступления на торжественном открытии II Международного конкурса имени П. И. Чайковского)

Как человек своего века, я радуюсь тому, что конкурс имени Чайковского духом своим и направленностью утверждает благороднейшие идеалы, близкие всему прогрессивному человечеству. Музыка объеди-

няет людей. Ее язык не нуждается в переводе. Понятная всем и каждому, музыка несет человеку радость и вдохновение, обогащает безмерно, раздвигает горизонты его жизни. Вот какой силой и властью обладаем мы — музыканты. Но эта великая сила нашего искусства налагает на нас и великую ответственность.

Мы должны всегда помнить не только об эстетическом, но и об общественном значении музыки. Я хочу сказать это именно сегодня, как напутствие молодым, талантливым музыкантам, которые выходят на дорогу большого искусства. Это вовсе не мое личное откровение, это завет всех истинно великих художников прошлого и современности, завет гениального русского музыканта Петра Чайковского...

Чикаго, 1973 г.

(Из интервью для радио)

...Я не согласен с тем, что наши концертные залы стали музеями и что симфоническое творчество как бы ушло в прошлое и уже не имеет каких-то перспектив в будущем. Это неверно. За последнее время появилось немало прекрасных симфонических произведений. Я бы хотел назвать произведения Сергея Прокофьева, Бенджамина Бриттена, болгарского композитора Любомира Пип-

кова. Наши советские композиторы отдают много внимания симфоническому творчеству. Может быть, я не прав, но мне кажется, что размышления, будто симфония стала некоей архаикой, что она устарела, исходят, может быть, от тех композиторов, которые не умеют написать симфонию и объясняют свое неумение псевдоучеными суждениями по поводу того, что симфония, дескать, умерла и довольно с ней возиться.

...У нас тоже много бывает разговоров и споров о народности в музыке. Иной раз даже высказывают такие точки зрения, что народная музыка — та, где используется народная тема. И русская, скажем, музыка — та, где используется русская народная тема, а украинская музыка — это та, где используется украинская народная песня...

Я придерживаюсь другой позиции. Я всячески за то, чтобы использовать народные песни. И уже пример прошлого показывает, что это всегда служит украшением произведения. Вспомним Четвертую симфонию Чайковского, вспомним итальянское капричио Чайковского, Глинки испанские произведения, Чайковского Вторую симфонию, Балакирева увертюру на три русские темы. Это все украшало произведения... Но, думаю, не только то обстоятельство, что автор взял народную песню, сделало произведение народным. Во-первых, эта самая песня в произведениях, о которых я говорил сейчас, звучит динамически, она входит всем своим существом в ткань музыкального произведения. И я считаю, что использование народных песен полезно и крайне украшает музыкальное произведение.

Но я думаю, не является неправильным и другой путь определения народности. Если я не ошибаюсь, в «Иване Сусанине» Глинки я просто не припомню, есть ли там подлинная народная песня, которая перешла в партитуру?

И упрекать «Ивана Сусанина» по этому случаю в ненародности, мне кажется, было бы абсолютно бессмысленно.

Вся музыкальная тематика Глинки так связана с русской песней, с русским народом, что воспринимается буквально как своя, все составлено на русской народной песне, на народной музыке. А бывает так, что берется народная песня, а сочинение не делается народным.

Сочинение музыки — это не легкое развлечение, а труд, очень серьезный, даже, может

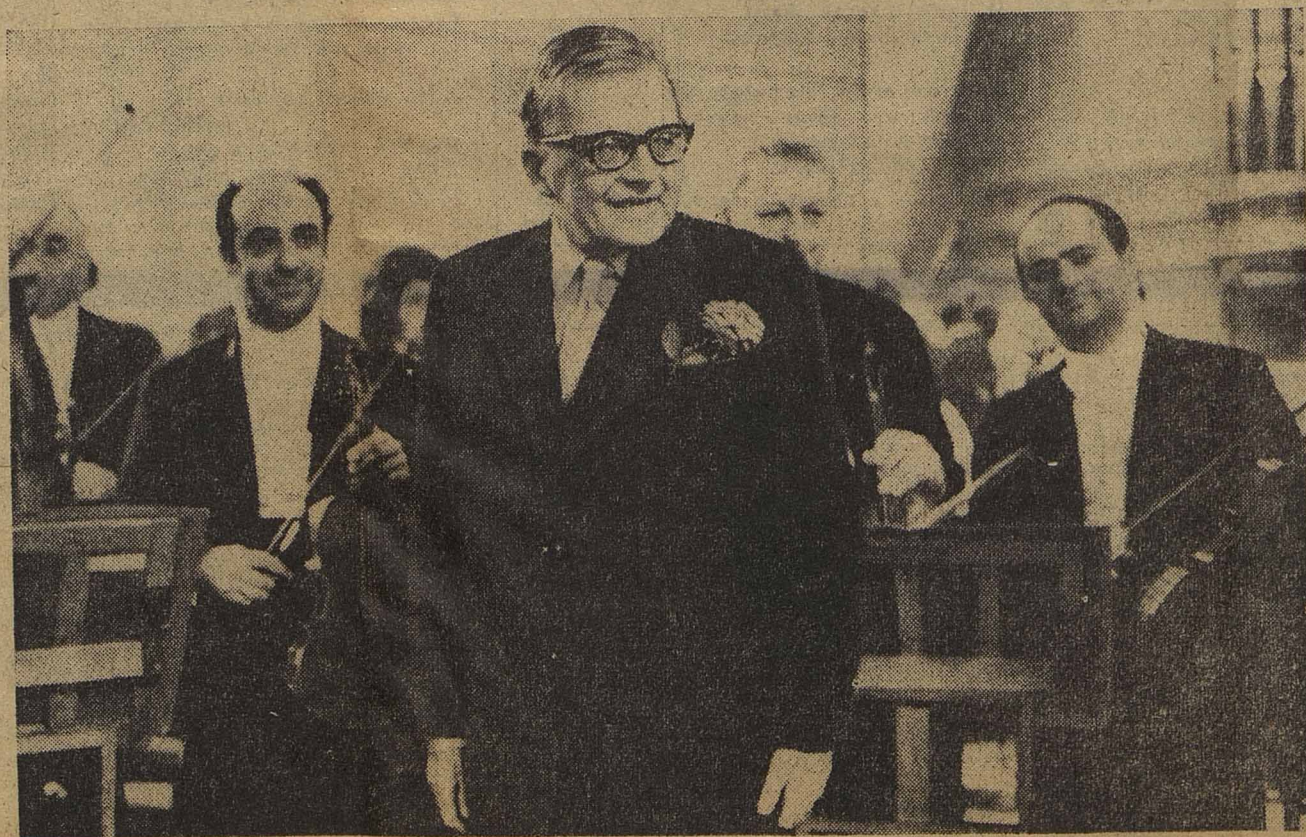
быть, очень тяжелый труд. Я знаю, многие композиторы пишут очень легко, очень быстро и мало, так сказать, задумываются. В результате получается произведение недостаточно совершенное. Мне кажется, что тут должно быть развито подвижничество чувство композитора к своей работе. Работа должна быть очень честной, очень продуманной и очень старательной.

Москва, 1974 г.

(Из выступления на Пятом съезде композиторов СССР)

Современная жизнь захватывает, поражает своими контрастами. Гигантские социальные сдвиги и непримиримая борьба идей, созидательный труд миллионов и вспышки военных конфликтов, ошеломляющие победы человеческого разума и разнузданное попрание нравственных норм — во всем выступает та или иная грань окружающего нас мира. Художник, если он по-настоящему чуток и зорек, не может не запечатлеть, не отозваться на эти сильнейшие жизненные импульсы. Он все слышит, все вбирает в глубины своего сознания и своей памяти. И поэтому в созданных им произведениях возвращает жизни ее образы, ее краски, ее дыхание. Возвращает преобразженными, заново осмысленными — такова великая способность искусства: рождаясь из жизни, снова уходит в жизнь, активно воздействовать на ход ее глубинных процессов.

...Искусство должно быть понятно массам и любимо ими, оно обретает сегодня особое значение в творческой практике, в идейном споре с теми, кто хотел бы превратить искусство в пустую забаву, фигурлярство, бессмыслицу. Известно, что за рубежом усиленно пропагандируется теория, согласно которой искусство создано отрешенные от жизни творцы для узкого круга избранных слушателей или эстетов. Всем же остальным предназначается примитивная продукция, возбуждающая самые низменные чувства человека, оглуляющие и принижающие его. Что сказать обо всем этом? Подобная теория в своей основе аморальна, абсурдна. Настоящее искусство создается для человека, во имя человека. Оно призвано возвышать его, давать ему радость и надежду, делать его мудрее и чище. Оно гуманистично по своей природе, иначе оно просто не искусство. Связь с народом, со временем, в котором живешь, — основа основ творчества каждого истинного художника.

Дмитрий Дмитриевич ШОСТАКОВИЧ (снимок публикуется впервые)

Фото В. АХЛОМОВА